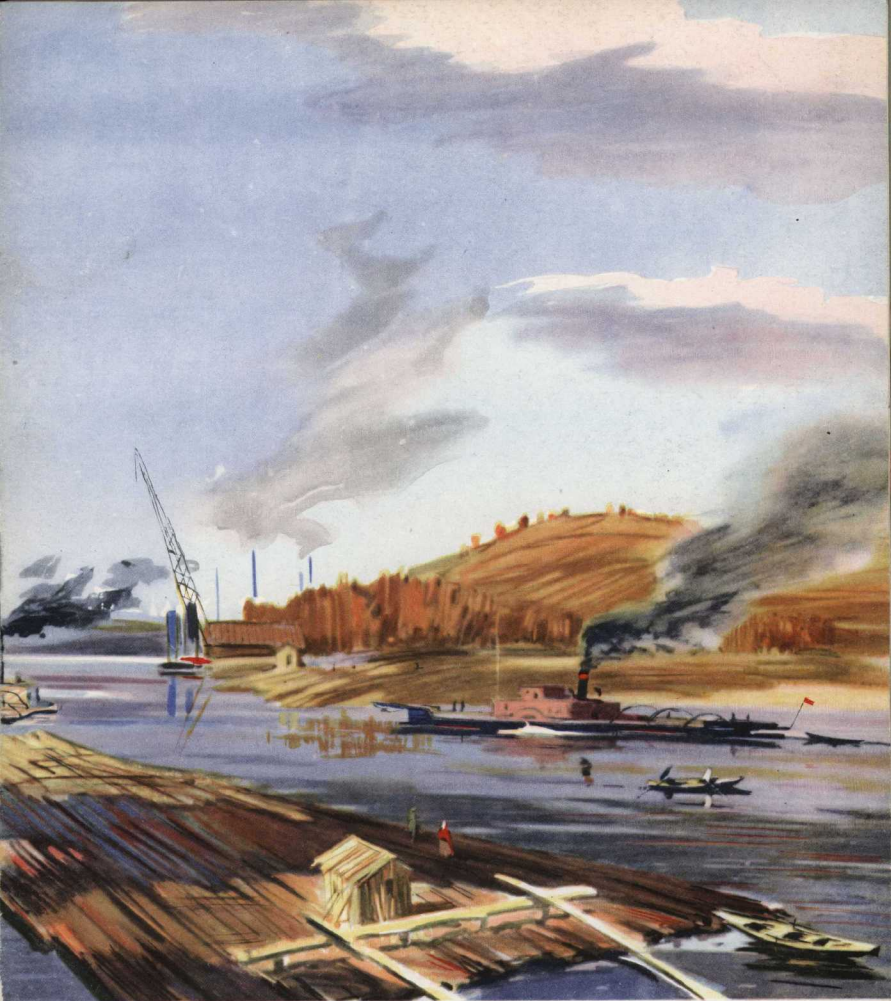

СМЕНА

19
1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТОВАРИЩ КОЗЛОВ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Нью-Йорк не знал таких минут:
Владельцы миллиардов
Глядят надменно, как ндут
Все в Медисон Сква-гарден.

Полиция вся на ногах,
И стены гул колышут,
И гула этого размах
Вот-вот отбросит крышу.

Здесь митинг, как на море шторм,
Да места в зале мало
Приведшим ничье из контор
И чёрного квартала.

И тысячи стоят стеной
У окон и у входов:
Советский человек с собой
Принёз сюда свободу.

Другой он защитит готов,
Выгнув в глаза Козлова,
Сегодня чёрный сын рабов
Берёт от Юга слово.

Притих весь зал. И вот
Весна прошла под сводам:
По-русски Робсон Поль поёт
Песнь нашего народа.

Надежда в песне, боль и стон
Тринадцать миллионов,
Которых осудил закон
Господ из Вашингтона...

Рукопеска ещё весь зал
И бушевала радость,
И партизанский генерал
Поднялся на эстраду.

И от пропетых негром слов
Тоскою сердце смято.
Василь Иванович Козлов
Обнял его, как брата.

Залликала Робсон. И гремат
Рукопесканья снова,
И в окнах стёкла дребезжат.
И лишь враги — ни слова...

Один в потоке листьев слов,
Но красивый весь от злости,
Сказал, что ехать он готов
С туристами... и нам в гости.

Ему все новости подая,
Его за океаном
Приняли наш белорусский край —
Лес... зубры... партизаны...

— Я осмотрю там каждый лист,
Район ваш, бестимон...
И бросят острый взгляд турист
На звёздные поганы.

Что скажешь здесь! Пусть посетит!
Нет, есть ответ острее...
Василь Иванович глядит
На негра и мрачнеет:

— Я показал бы свой район
Бесправному народу,
Чтобы силой боролся он
За счастье и свободу.

Перевёл с белорусского
Николай ГОРУЛЕВ

«Свобода» в Америке.

← Фото montaje А. Житомирского

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь. № 19. 1949 год.

Год
издания
28-й

В кабинете марксизма-ленинизма Московского государственного педагогического института имени Ленина. Фото М. Озерского

ОРЕЛ

Есть старинная легенда у армян,
Веллчавая, как озеро Севан.
Где и кем — не знаю — сложена была
Эта сказка про столетнего орла.
Когда птице оставили мало жить,
Час подорвал крылья сильные сложить,
Прямо к плечу подымается орёл,
Жаром солнца согретаеся орёл
И стремглаз, как не пристало старику,
Опускается к лесному роднику:
И водою освежаете орёл —
Как бы заново рождается орёл!
Завыл в дальнем тёмном небе он клюёт
И большим крылом морскую пену бьёт.
И свернут глупа орлиные огнём,
Заключают молодые силы в нём,
И помнит он, резвится облёта,
Снова юный и могучий на века!
Наше старинное время — солнца свет,
Наш народ — источник силы, как родник.
Будь орёл подобен мудрому, поэт,
И, как он, ты будешь вечен и велик.

«...только... культурно-технический
подъём рабочего класса может по-
днать основы противопоставления ме-
жду трудом умственным и физическим...
только он может обеспечить
ту высокую производительность, труд
и ту наработку предметов потребления,
которые необходимы для того, чтобы
начать переход от социализма к комму-
низму».

И. Сталин.

В комитете комсомола завода «Запоро-
жсталь» царил оживление. Секретарь коми-
тета Николай Голоднов разговаривал с за-
ходившими к нему комсомольцами, с мо-
лодыми рабочими. Трансформации звонки
и то дело прерывали беседу.

Большинство людей, заходящих и за-
носивших сюда в этот день, волновало одно:
когда и где можно будет начать или про-
должить учёбу? Одних интересовали вечер-
ние общеобразовательные школы, другие
желали поступить в заводской металлур-
гический техникум, третьи просили по-
мочь поступить в вечерний институт.

И по тому, как беседовал секретарь, по-
добная была видно, что его всерьёз по-
лнует и радует это благородное стремление
молодых людей.

— Ну, как успехи? — участвовал спраши-
вал секретарь Илья Буалычев, заместитель
сталинского цеха, поставленного в за-
водской металлургической техникум.

— Всё хорошо обошлось, всё благополуч-
но, — Илья Буалычев пристально посмотрел
на секретаря комитета и, приняв на его
выполнение, заметил: — Конечно, трудно
новое пришлось. Напалам большой. Но
принял. Патёрки и чёртики вырубил.

Эта беседа весьма характерна. В ней вы-
ражены те новые профессии, которые так
важны для всего рабочего класса нашей
страны.

Мне довелось познакомиться со многими
молодыми рабочими. Вот один из них —
токарь-скоростник комсомолец Иван Ле-
вченко. Этот человек завоевал себе всеоб-
щное уважение не только и не столько тем,
что выполнял свой пятилетний план в три
года и ежемесячно выполнял по две — две
с половиной нормы, сколько тем, что
непрерывно совершенствует своё масте-
рство, учится сам и учит других. Левченко
организовал стахановскую школу, в ко-
торой обучает молодёжь собственным мето-
дам скоростного резания. В августе он обра-
тил десять товарищей. Все они раньше не
выполняли нормы. А сейчас и Михаил Сер-
геев и Ольга Аристархова, и Дмитрий
Ипполитов, и все остальные дают не мень-
ше полутора — двух норм.

Многие из учеников Левченко уже по-
лучили своего учителя. К чему его надо
сказать, что он ничуть не огорён этим.
Наоборот, успехи молодых радуют его, и
он не гнушается кое-чему поучиться и у
них. Владимир Швецов, променявший у
Ивана Левченко, достиг, например, бо-
лее высоких скоростей резания, чем Ле-
вченко, и теперь нередко сам помогает
своему учителю.

Доброй половина всего состава рабочих
«Запорожстали» — молодые люди, и почти
каждый из них имеет семилетнее или
среднее образование. А те, что не имеют
его, как правило, учатся в школах рабочей
молодёжи. Многие продолжают учёбу в
металлургическом техникуме, в вечерних
институтах, а есть и такие, что работают
над кандидатскими диссертациями.

При заводе открыты три средних школы
рабочей молодёжи. В них обучается более
тысячи человек. В этом году 150 молодых

рабочих получили аттестаты зрелости и
столько же окончили заводской металлур-
гический техникум.

Школы и техникум — не единственные
формы повышения общеобразовательных и
технических знаний рабочих. На заводе
организована разветвлённая учебно-кур-
совая сеть, которая даёт возможность каж-
дому рабочему повысить свою квалифи-
кацию и приобрести широкие знания по своей
специальности.

В прошлом году в кружках техминимума
и на курсах повышения квалификации
обучалось более тысячи человек. Все они
сдавали экзамен по техминимуму, перешли
в высший разряд, многие овладели вторыми
профессиями. В этом году в техминимумах
и на курсах занимается около 2 тысяч ра-
бочих.

Молодой сталевар Василий Изко, ра-
ботавший раньше заправщиком и получа-
вший по седьмому разряду, рассказывал
мне, что после окончания курсов техми-
нимума сразу получил двенадцатый раз-
ряд — самый высокий разряд сталевара. Та-
кие же разряды получили и Борис Ска-
ренко, работавший подручным сталевара,
и Иван Никитченко. Формовщица Вера
Михайленко перешла из третьего разряда
в третий и т. д. А таких людей на заводе
много!

Несколько сложнее обстоит дело с теми,
кто стремится без отрыва от производства
получить высшее техническое образова-
ние.

В центральной заводской лаборатории я
повстречал техника Владимира Борисен-
ко. Он металлург и мечтает стать инже-
нером-металлургом. Однако оказалось, что он
занимается в Институте соляно-холо-
дильного машиностроения. В чём дело?
А дело в том, что в Запорожье, городе
крупнейших металлургических заводов,
как это ни странно, нет ни одного метал-
лургического вуза.

Это положение, конечно, ненормальное,
и происходящая здесь недавно конферен-
ция молодых специалистов уделала этому
вопросу серьёзное внимание. Требование
молодёжи об открытии в Запорожье метал-
лургического вуза, бесспорно, справедливо
и основательно.

На заводе, как уже упоминалось выше,
имеется группа инженеров, готовящихся к
сдаче кандидатского технического ми-
нимума и к защите кандидатских диссер-
таций. В этой группе уже сейчас насчиты-
вается двенадцать человек. Дирекция вы-
чески помогает им. На завод систематиче-
ски приглашаются для чтения лекций
крупнейшие учёные и специалисты из Мо-
сквы, Днепропетровска, Харькова, Киева.

Огромная тяга молодёжи и к политиче-
скому просвещению. В этом учебном году
по решению комитета комсомола созда-
на группа из кружков вместо пропущенных 46.
В политическую учёбу будет вовлечено
около 2 тысяч молодых рабочих. Это
почти в два с половиной раза больше, чем
было в прошлом году. В качестве руково-
дителей и преподавателей в эту группу
более образованные и подготовленные ко-
мсомольцы. Так, например, техник красной
базы Галина Кириллова будет руководить
кружком по изучению биографии товарища
Сталина, инженер Николай Бабенко, на-
чалник смены сылянина, утверждён
руководителем кружка по изучению обще-
ственного и государственного устройства
СССР и Устава ВЛКСМ, начальнику сме-
ны цехового цеха инженеру Васи-
лию Олеховому поручено вести кружок по
изучению «Краткого курса истории
ВКП(б)».

...Мы покидали завод, когда в небе на-
чалась перекачка завода в туман, это
мелкая дивная смена запорожских ме-
таллургов. Молодые рабочие спешили в
классы школ и техникума, на курсы тех-
нического образования.

Эта кипучая творческая жизнь огромно-
го молодёжного коллектива Запорожстали
как бы олицетворяет непрекращающееся дви-
жение вперёд, приближает завтрашний день
коммунизма. Она определяется одним ко-
ротким словом:
Рост.

В НОЧНОЙ СМЕНЕ

Снова наступил лишь тот назову,
В которой — волшебная ночь.
Но что сповнеда, когда назву
Жизнь прекрасную любого сна!
Стучат станки... У трусика, мну —
Весёлая ночь за окном сна.

От стук моторов завод гулко,
Вспенная ночь... И земля не спит.
И вреда торопит: вперёд, вперёд!
И алый полосуя три горит:
Днём коммунизма над миром встает,
Он сям человечества в явь воплотит!

Перевед с армянского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ и Ирина СИГОВА.

Александр МЕРКУЛОВ

УТРО

Наверно, в жизни это так и надо,
Чтобы солнце разбудило тишину,
Чтобы оно, свернув с дорожки сада,
Пришло сплести к этому солнцу.

И вот, пока не таяло от зноя,
Сады шумят, роняя лепестки;
Сады сплели с просторной Окою
И кинулись притоками Оки.

А рядом — поднимается строитель,
Чтобы лазурью обвести киниз;
И улицы, как солнечные нити,
От площади Победы разошлись.

Ребёнок спит...
Прозрачные ресницы
Чуть-чуть дрожат.
Зачем он, зблосн шум!
Быть может, явля в это утро синтис
Не вдеющему лапу малышу.

Быть может, сива походную пилотку.
Она пришла, нарядная, к кому...
Об этой встрече, нежной и короткой,
Он не расскажет после никому.

Она пришла сивоз ласковую дрему,
Как это солнце,
Что сейчас пришло
И встало

рядом
с детской домом,
Отдав ребятам первое тепло.

Виталий ВАСИЛЕВСКИЙ

«СОКОЛИНЫЙ ГЛАЗ»

Рассказ

Осень тысяча девятьсот сорок шестого года была жаркой. Трава на полях выгорела, листья деревьев желая, земля разрезала глубокие трещины, и лесник Пантелей, боясь обжечь огонь, курил только у ручья и на заболоченных низинах. Он шёл в Шахтому, в лесную контору. За его спиной висел тяжёлый вещевой мешок, а на плече — старая охотничья двустола.

Выйдя на Медвежью долину, он решил отдохнуть. В осиннике звонко кричала желна, поскрипывали неугомонные сойки. Серо-рыжая лесная змея пробежала в траве. Когда она вскарабкалась на поваленное бурей дерево, Пантелей увидел её бледное брюшко. Невадала с от Пантелей, на сухом сучке орешника, висела красная ивтика. Она висела, не колебалась: так тихо было вокруг. Пантелей взял её, посмотрел: шёлковая.

Место здесь было глухое, в стороне от дороги и охотничьих троп. Пограничная застава всегда предупреждала Пантелей о происхождении геологических партий, и всё же ночью он выходил на всякий случай к кострам, проверял документы.

Здесь прошёл человек. Разглядывая узкие следы на земае, Пантелей понял, что здесь прошла женщина. Она прошла недавно: оставшиеся листья, перебранные её ногами, не успели ещё замаяться, были светлые соседних.

Пантелей пошёл по следу на север, к Оленьему ручью. Скоро он заметил ещё коротенькую красную ивтику, висевшую на ветках малины. Куст малины рос в двух шагах от следа, значит, женщина пошатнулась, она устала...

Пантелей ускорила шаги. Через полчаса он подошёл к переправе, где града крупных валунов пересекала Олений ручей. Средний камень заливало водоем. Его жирнотёрные бока блеснули. Он был похож на дикого кабана, укрывшегося от жары в ручье.

На берегу сидела, прислонившись к заросшему зелёным моху камню, девушка в красной кофте. Широкое её лицо с чуть выдающимися скулами и узкими жёлтыми глазами было усталым.

Пантелей твёрдо взял в руки двустолку, топая сапогами хрустящие сучья, вышел на берег, тихо, но строго проговорил:

— Здравствуй, гражданочка, куда путь держишь?

К его изумлению, девушка не растерялась, не вздрогнула, а медленно обернулась, пристально взглянула на Пантелей.

Было видно, что она привыкла к неожиданным встречам в тайге.

— Ты кто? — спросила Пантелей, подходя поближе.

— Геолог, — сказала девушка. — Иду в Онгудай.

На её коленях лежал пистолет. Маленькая сильная рука прикрывала пистолет; глубокие ровные шрамы бежали на тёмной от загара коже.

— Зря придумала, — ворчливо сказал Пантелей, подозрительно покусившись на пистолет. — Одинок идёшь по тайге. Кто у нас начальник? Как он пустил в тайгу одинокую девушку?

— Нет, я сама решила идти.

— Покажи документы, — сказал Пантелей. — Та-ак, — успокоенно произнёс он, возвращая её удостоверение, — подписи товарища Николаенко мне очень хорошо известны... А я лесник: если хочешь, покажи свой мандат, чтобы доверили друг другу.

— Я торжусь в Онгудай, — сказала девушка, — несёт образцы камней. Нужно послать группу рабочих на Чёрное озеро. Мы унесем до зимы кончить изыскания.

— Утром горы синие — зима далеко!

— Вы были на Чёрном озере?

— Я видел был, — сказал Пантелей с достоинством. — В Хабаровске был... А как тебя звать?

— Анята.

Пантелей не мог называть её Анятой: это было бы неприлично.

— Скажи отчество.

— Анна Сергеевна.

— Будем, Анна Сергеевна, отдыхать. Костёр разожгу. Харчи у тебя есть?

Он протяжно свистнула, когда она показала ему горсть сушарей.

— Ну, куда ты пойдёшь? Да и ноги у тебя обиты...

— Поскорее надо быть в Онгудай, — повуче сказала Анна Сергеевна.

— Я бы тебя проводил, а не могу, — сказал Пантелей с виноватым видом. — Прости... Обещала начальнику прийти в субботу.

боту, — вдруг лицо его просияло: — Пойдём, Анна Сергеевна, в Шахтоу! Там отдохнём.

— Выходи! Шахтоу? —
— Выходи. Всего два дня пути. В субботу придём.

Он сидел на корточках у костра. Толстые его губы равномерно двигались под большими чёрными усами.

— Отдохнёт, ноги зашевелил. Потом я провожу тебя в Ойту-дай. Меня начальник отпустит...

Анна Сергеевна полусажалась на траву. Она сияла разномыслием ботинки, чулки, с наслаждением вытнула ногу. Пантелей увидел кровавые следы на её подошвах.

— Эх, дева, дева! — вздохнул он. — Не умеешь ходить по тайге.

Он отскочил в перелеске высокую суглинистую траву с пышной кистью поблекших цветов, борозни вырвал её сочным, мисетным корнем. Разомнив корень на мелкие куски, Пантелей приложил их к ссадинам, крепко обмотал ступни Анны Сергеевны чистой тряпкой.

— Холодно, — произнесла жалобным тоном Анна Сергеевна.

— Холодно, а полезно...

Он вынул из мешка варёную курцу, хлеб, сахар. Ему понравилось, что Анна Сергеевна ела медленнее, чем сразу можно было заметить, что голода, и хлебные крошки, падшие на косяк

травы на неё, Пантелей вспоминал свою старшую дочь, Марию. У Марии было такое же сильное тело, такой же смуглый румянец по всей щёке, такое же смелое лицо. Она училась в Хабаровске в педагогическом институте, вышла замуж за лейтенанта, после войны утратила с ним на Южном Сахалине. Вспомнив Пантелей получил фотографическую карточку большогоглазого ребёнка с пухлыми жоками: внучка.

— Возбюно в тайге?

— Да нет, чего мне бояться...

Анна Сергеевна помолчала, через минуту решительно тряхнула головой и призналась:

— Вру, халально вру: очень страшно. Ночью всего страшнее... Кашлянуть боюсь — эхо гудит.

— Тайга любит молчаливого человека, — внушительно заметил Пантелей. — А какие камни вы нашли у Чёрного озера? — Он увидел, что Анна Сергеевна задумалась, и быстро добавил: — Если да секретное, не говори... Я понимаю, что ты должна хранить государственную тайну.

— Да лучше не скажу.

— Правильно! И тоже состою на государственной службе.

Пантелей свернула цыгарку, вынул из костра, поклат на ладошках уткнул и жадно закурив.

— Много теперь девушек бродит по тайге, — сказала он. — Женщины отчаянной храбрости! Мне презский кооператор говорил про одну... икательницу. Ну, та здоровее тебя будет. И зовут её «Сокольный глаз», потому что видит сквозь землю на три аршина, где и какой хоронит редкий камень.

С удивлением Анна Сергеевна взглянула на Пантелей:

— «Сокольный глаз»?

— И ты слышала! — обрадовался Пантелей. — Женщина знаменитая на всю Сибирь!

— О, господи... — как-то странно улыбнулся Анна Сергеевна и, усевшись поближе на траву, приготовилась слушать Пантелей.

— Позволяю зимов, в самые толстые морозы, вышла «Сокольный глаз» с командой геологов в тайгу. Вишь ты, лета им не хватает! Зимов они рубят на реке проруби, вымораживают по долгу, бьют шурфы...

— Делаша — сказала Анна Сергеевна.

— Я не про то говорю. Я понимаю, что летом надо бы ставить перемычку. А ведь война, нигде нет безработных людей... Но речь не об этом. Речь о том, что однажды «Сокольный глаз» пошла на лыжах в город. Закончив различные служебные дела, она собрала в обратный путь. Новая okazия: отскочила её в городе жена старшего бригадира, попросила довести до замики, где жила геолог. А куда ехать? В тайгу, за сто верст! Но «Сокольный глаз» смекнула, что бригадир — нужный человек и если жена с детьми будет при нём, то работа пойдёт ладнее. Взяла в райское лошад, поехала. Ехал первый день, ничего — всё благополучно... Ехет второй день, занялся метал — всё крутит, синьет, гудит. Бригадирша в голос: «Ты меня, ты дочку мою погубила!» «Сокольный глаз» могла бы её крепко отругать: сама напрасилась... Однако она тихо, вежливо, спокойно: «Надейся на меня. А что надеять! Лошадь в сугробе по глаза, кругом ни зги не видно. Бригадиршу дрожь збавила, руки-ноги стынут. Опять «Сокольный глаз» её успокоила: «Чует моё сердце зыбка близка». У неё такие глаза — даже сквозь металл видела на версту вперёд.

Это было у Горичих ключей, — сказала Анна Сергеевна, — а зыбка правая, а левая...

— Молчи, слушай, что я говорю, — сказала Пантелей. — Мне эту историю рассказал презский кооператор, а ему — инженер в Шахтоу... «Сокольный глаз» накрыла тушлом в сиях бригадиру, взяла на руки ребёнка и пошла сквозь снег. Ты, Анна Сергеевна, ты бы неминуемо погибла, ты, конечно, утонула бы в сугро-

бах. Но у «Сокольного глаза» плечи — во! Руки — во! — широко развела руки Пантелей. — На беду, получила её жма, пошла по снегу, «Сокольный глаз» положила ребёнка на снег, ухватила волака одной рукой за горло и задушила, как щенка... как щенка — торжественно проговорила Пантелей. — В полночь она пришла на зымку, объявила тревогу. Геологи-мужчины обзвонились верёвками, на лыжах пошла в тайгу... Утром бригадир со слезами сказала «Сокольному глазу»: «Вы спасли жизнь и моего дорогого ребёнка, я напишу Михаилу Ивановичу Калинин, чтобы он нас награждал за такой подвиг орденом». И действительно... — таинственным шепотом сказала Пантелей, — её толсто изградил орден, но не нашёл: по весне «Сокольный глаз» узнала на Енисее, как зовут камешки... Ну, сама понимаешь, орден нельзя дать человеку без определённого адреса! И по сей день «Сокольный глаз» бродит по тайге, у неё пять партий геологов, она ими командует: «Здесь бейте шурфы...» И верно, на страшной глубине падали рула или редкий камень...

— Что вы сказки, Пантелей Тимофеевич, рассказываете!

— Это не сказки: это факт! — рассердился Пантелей. — Ты первый год в тайге, ты молодой... Мне про «Сокольный глаз» говорил презский кооператор, этот не соврёт.

— Скажи, Пантелей Тимофеевич, скажи! Уж я-то лучше вас знаю о «Сокольном глазе».

— Молчи, — сказала Пантелей, — верь мне, я не из тех, что обманывают, я имя «Сокольного глаза» знаю, подлинное имя, хочешь, скажу?

— Скажите, — попросила его Анна Сергеевна.

Пантелей нахмурился, покрутил ус и с отчаянной решимостью выпалил самое дикое имя, какое знал:

— Клопота!

— Ой, не могу, ой, умру! — вскакинула Анна Сергеевна, легла ничком на траву и, закрыв ладонями лицо, начала смеяться. Обидевшись, Пантелей быстро поднялся, с котелком ушёл к ручью.

Водяная крыса пропала, подняв над водою острую мордочку. Две стрелы, сцепившись, летели, бьются на солнце радужными крыльями.

Пантелей было приятно сидеть у ручья. Он курил и думал, что Анна Сергеевна — тоже храбрая девушка: не побоялась одна идти в Ойтудай, а ведь восемьдесят километров пути по тайге. Положим, за Вороньим камнем она вылетела на окотинку, а там была уже вода, а у Вешней зымки начнётся торная дорога, и Анну Сергеевну наверняка подвезёт грузовик, возвращающийся с прискоком. Пантелей воображал, как в субботу придёт в Шахтоу, попарится в бане, а вечером в кооперативной чайной будет рассказывать охотникам, старателям, лесникам, — словом, всем знакомым, какую храбрую девушку Анну Сергеевну он встретил в тайге.

— Пора! — услышал он её голос.

Анна Сергеевна стояла на пригорке, застёгивая красную кофту. Девочка деловито увидела на её руках глубокие шрамы, но не придала этому никакого значения.

— Ну и упрям! Не уговоришь... Хотя служба — нил...

Пантелей отдал ей каравая хлеба, кооператору банку с мясом, отрезал большой ломтик сала. Как ни отнекивалась Анна Сергеевна, он застукал провинцию в её вешевой мешок.

— У Вороньего камня избушка, там заночуи.

— Знаю, знаю дорогу.

— Ты знаешь дорогу, — сердито сказала Пантелей, — а я вест тайгу! Если потеряешь тропку, куда денешься? За Вороньим камнем болото, ты обойди его вдоль реки, прямо на север, путь прямой.

Они благополучно перешли ручей, поднялись на холм. Теперь Анна Сергеевна шла уверенным шагом, опираясь на сукноватую палку, которую ей вырубил Пантелей.

— Спасибо, Пантелей Тимофеевич, увидимся, может быть.

— Как не увидимся? Для нашего человека и в тайге тесно...

— А за провинцию мы после рассчитаем.

— Наши счёты закончены, я не купил.

Значит, «Сокольный глаз» похвастает? — усмехнулся девушка.

— Она может, и не хвастает, — убеждённо сказал Пантелей, — да крепче.

— Ну, а ты, по-моему, ребёнка не спасла бы?

— Ты? — поглядывая на неё искоса Пантелей. — Видишь ли, такой с воком справиться, боольшая сила нужна. А впрочем...

Он с уважением пожал её руку и долго стоял на поляне, пока не скрылась в листьях её красная кофточка.

Подняв с земли мешок, он пошёл по перелеску на восток. Через два часа Пантелей поднялся на сопку.

Теперь Вороньего камня должна была видна ему. Из ущелья лился широкий водопад потока свежего ветра. Он шумел в осиннике, косякая серебристые вершины молодых деревьев. Волнуясь, металлически блестящие листья осин были покрыты на серебряный ручей, который вытекал из глубокого ущелья и струился по зелёной долине, на север, к Ойтудаю, по следу Анны Сергеевны.

Стахановец Московского автозавода имени Сталина расстреливает Г. Гурьянова.

У РУЛЯ

Рассказ

Автомашинка тронулась. В кузове сидело шесть человек: три грузчика, две девушки и давнишний знакомый районного агронома Ваганова — Савельич, пожилой колхозник с опущенными кизу рыжими прокуренными усами. Машину вел Александр Корпан, бывший фронтинец, потевший на войне левую кисть. Для увечной руки к баранке руля было приделано специальное кольцо с шарниром.

Полуторка, двигаясь по профилю, микровала пущеры за деревней и, не дожидаясь кладбища, свернула на проселочную дорогу. Набирая ход, она скоро оставила позади белоножники кусты, смородник и одинокий навоз на бугре. Возлеяс деревенским шпалом в слоистые облака, оно долго выделялся над линией горизонта, окаймленной извилистой полосой перевалов.

Полуторка катилась по пыльной проселочной дороге у самого леса. Ветан берёз хлестали по верку кабины. Слева тгнулись сплошной стеной стволы вековых деревьев, справа был обрыв глубокого песчаного карьера. На встречу, спускающийся с горы, двигался гружёный хлебом обоз, поднимая тучи бело-серой дорожной пыли.

— Смотри... чуть не на целый километр растянусь! — сказал Корпан, сваливая газ. — Наверное, будничные: они не любят возить поманеньку.

Теснясь к самому краю обрыва, передняя подвода уступила дорогу. За ней посторонились остальные. Ездовые попрыгали с возов и, ухватив быков за намыты, повалили их. — Ну и дорожка! — заметил сидевший рядом с шофёром агроном Ваганов. — Того и гляди, не себе, так других тоже сломаешь.

Ничего. Поманеньку проедем. Главное, не зной, а жиды в оба.

Ваганов, положив локти на дверцу кабины, смотрел на сытых быков, лениво переставляющих ноги, на золотистое зерно в бестархаш. Отдаённый сигнал автомобиля заставил его перескочить взор: там, где дорога почти у самого грёбня вала сворачивала за опушку леса, показавшись лёгкое облачко пыли. И в то же мгновение, поблескивая на солнце, из-за поворота вылетел грузовик и стремительно понёсся вни.

— Ошалею он, что ли! С такой скоростью под уклон гонит. Тут же не разбьётся, — тревогой сказала Ваганова, хвещая, давол!.

Наверное, не тормоза надеются.

— Да в том-то и дело! — ответил увидевший опасность Корпан, — что у него тормоза только по теории положены. Видишь, остановить не может.

Ваганов увидел, как поблело лицо товарища.

— Пряглы, Корпан! — крикнул он и, открыв дверцу кабины, выскочил из неё на ходу.

Примоставший неслось. Савельич, в таске остальные пассажиры последовали за ним.

Увидев, что кузов опустел, Корпан прибавил газ и рванул машину вперёд. Там, где в хвосте обода зашлись последние подводы, ненадёжный глаз шофёра увидел отлогий спуск в карьер, по которому вывозили песок на дорогу. Только бы проскочить эти двести метров!

Водитель припал к баранке руля. Расстояние между грузовиками быстро сокращалось. Ливиний неслась тяжёлая трёхтонка навстречу полуторке. В то же мгновение со скоростью, выработанной многолетней шофёрской практикой, Корпан вывернул правую полуторку вправо, понёсся вниз, по узкому спуску, параллельно линии обрыва. Сдави с воем и рокотом промчалась гружённая трёхтонка. Косматая туча пыли повисла над обрывом. Когда она рассеялась, Ваганов и колхозники увидели, что полуторка была в дне глубокого карьера.

— Спустился!..

— Цел, — облегчённо вздохнул Савельич

Корпан взбежал наверх. Кепки на нём не было.

— Ну как!.. — спросил он, с трудом переводя дыхание. — Все живы!.. Никто не покатился!..

— Да, кажись, обошлось, — ответил Савельич.

— А как у них? — указал шофёр на трёхтонку, остановившуюся далеко впереди идущего обоза.

— Духи их знает. Вроде кто-то светится.

— Даём, тудал!

Молодой парень, почти совсем мальчишка, осматривая машину. Грузчики его, две выростившие подростки, ещё не совсем оправившись от испуга, помогали ему.

— Ну, здорово, орлы! — приветствовал их Корпан. — Головы-то на плечах удержали!

— Да вроде целые, — ответил грузчик в синей рубашке, касаясь рукой головы.

— Что же ты, блин зелёный, — обратился Корпан к шофёру, — катишься с ветерком, на живых людей и ничего знать не хочешь?

— А чего ты сделаешь? — отвечал дрожащим голосом парень. — Попробуй останови с таким грузом, когда тормоза отказали. Прохлупал малость, когда спуск начинал, а тут уж ничего не поделаешь. Хотел на передках задержаться, валки вон повало. Ну, здесь и вовсе поспело.

— Валь ты бы мог так людей и машину угородить. А живой бы остался — под суд пошёл.

Шофёр, потупившись, молчал. На юношеском его лице, выпеченном маслом, были ещё следы только что пережитого нервного напряжения.

— Ну, да ладно, не вешай нос, — сказал Корпан. — Вали к тебе раздобудь, а пока обернись, займись тормозами. Инструмент, какой надо, возьми у меня. Когда всё исправим, поставим валки — и айда. А сейчас никуда не суйся. Начальство увидит — с правами распрошасья. Да помни всё-таки, чему тебя на курсах учили. Пошли. Возьмёшь, что надо, да зовёшь, поможем нам машину вывезти из ямы, куда ты меня загнал.

Поздно вечером, с последним рейсом, Ваганов вырвался в Загостерню. Нужно было договориться с начальником автоколонны Михайловым, чтобы колхозу подбросили одну из автомашин, работающих на вывозе зерна. На то скопилось много зерна, и своя полуторка не успевала его вывезти.

Добыв нужное, Ваганов прошёл к платформе, где заминали только что прибывшую из дальнего колхоза автомашину. Возле платформы стоял Корпан.

— Ну как! Утра!.. — спросил он Ваганова.

— Утра! — ответил тот. — Давай на берег пойдём.

— Пойдём, — согласился Корпан.

Они подошли к обрыву и опустились на траву. Внизу чуть слышно плескался Иртыш. Один бавенос, отгнав фарвар, тинулся далеко вниз и вверх по реке, оттрамбовывая в противоположной стороне смутно вырисовывались на фоне чёрного неба, усеянного россыпью звёзд. Лёгкий ночной ветерок пнул в лицо свежестую реку, мокрого песка, запахи дальнего леса.

Шофёр и Ваганов некоторое время лежали, не разговаривая: каждый был погружён в свои думы. Ваганов первый нарушил молчание:

— Особенный ты парень, Александр!

— А чем я особенный? Такой же, как и все. Шофёром я до войны ещё задумал стать. Так и остался им. А если я одну руку на войне потерял, то и другую опустить надо! Нет! Так никуда не доедешь.

Корпан умолил и, достав портсигар, закурил. Ваганов последовал его примеру. Огоньки папирос, как две светящиеся, загорелись на берегу.

— Правильно, — сказал подошедший незамётно Савельич. — Вот, скажем, пашня. Вспахал ты землю, а комки не разборонил, как надо — и солнышко высунет и ветер выдует валь из них, так они ничёвыми сухарями и останутся. Рабёй эти комья, да слей их в одно целое, тогда и хлеб уродится и сорная трава не будет расти.

— ...Когда машина проезжала у моста чуть не случившейся днём аварии, трёхтонка так уже не была.

— Ухел мелкий, — заметил Корпан, улыбаясь.

— Зря ты не взглял построже этого парня, — сказал Ваганов.

— Зачем!

— Как зачем? Это бы ему на полузу пошло.

— Он и так из этого для себя урок сделал. По всему видно, что хороший парень. Можно сказать, на верную смерть катил, а руля из руки не выпустил, не струсил, не выпрыгнул из машины... Я таких люблю, которые до конца у руля остаются.

Г. ОМЕС

КОМБАЙН В НАШЕ

Из окон небольшого рудоремонтного завода видны сухие остоны коров и остроугольные пирамиды породы. Они точно чёрной стеною окружают руины. Вдоль улиц бежит электрическая магистраль Южного Кузбасса, и тяжёлые угольные остоны, простояв по ней, гулко сотрясают землю. Как маяки-гиганты, вырвавшись в степь, копы шагают к далёким оврагам в голубоватый омут огромного сибирского моря.

Мы в гостях у изобретателей нового угольного комбайна — машины, родившейся только полгода тому назад, но уже любовно окрещённой шахтёрами славным именем — «Кузбасс».

Это Илья Степанович Патрушев и его земляк Фёдор Парфёнович Курьеров — оба немалодушие, скромные инженеры, сибиряки, оба коренные, большущие и даже как будто бы похожие друг на друга, как братья.

В их творческой ячейке ещё двое: управляющий комбинатом «Кузбассуголь» Воробьёв и его главный Горбачёв. Четвёрка авторов представляет собою плодотворный союз механиков и горняков, прекрасное содружество проектировщиков и практиков.

Мы идём на заводской двор, чтобы посмотреть новую машину. Этот мощный тридцатитонный агрегат, состоящий из ряда самостоятельных секций, не похож на обычный комбайн. Пожалуй, правильнее его назвать передвижным забором, металлическим каркасом для лавы нового типа, где абсолютно всё механизировано и подчинено автоматике.

Курьеров объясняет, что в основе машины лёгкое удачное соединение двух главных принципов: крупного скалывания угля и гидравлики.

Но я думаю о другом. Меня больше волнует идея комбайна, самая душа новой сложной машины. Ведь она производит отбойку и доставку угля из очень неглубокого, метрового забоя, где одному человеку нелегко повернуться, где, работая с отбойным молотком, шахтёр должен был бы стоять на коленях или просто лежать на углях.

«Фронтальный» комбайн — так назвали его авторы — всё делает сам. Он один создаёт широкий фронт работы и впервые освобождает горняка полностью от тяжёлого физического труда в самых трудных лавах, потому что не только отбивает и грузит уголь, но ещё и удерживает своими секциями лавную кровлю в оцистном пространстве лавы.

Вот это и важно, и замечательно, и волнующее. Ничего подобного нет в мировой горной технике. Эта машина блестяще выражает генеральную линию развития социалистической техники, революционно меняет самый характер труда рабочего в шахте, приближая его к интеллектуальному уровню горной техники.

У нас сейчас много пишут о содружестве людей науки и практики. Это поистине великий союз стал отныне неотъемлемым условием советского технического прогресса.

Как-то в последние дни испытаний на опытной установке приходил министр угольной промышленности и секретарь обкома партии. Они спустились в лаву и вместе с шахтёрами поехали под щиты секции.

Новый комбайн давал гигантский скачок производительности — в десять — пятнадцать раз. И министр, сам ослепший горняк, сказал рабочим, что он с воодушевлением видит в новой машине близкий прообраз настоящего горного комбайна эпохи коммунизма.

Андрей МАЛЫШКО

ТАРАС

По зелёной земле вновь идёшь ты от каневской кручи,
Только в сердце — ни слёз, ни печали, ни ярости жгучей.

Отремел старый век, пролетел чёрной ночью холодной,
И живёт твоё сердце в любви и хвале всенародной.

Открылашь глаза, чтобы видеть прозрачные дали:
Люди стали другими, и звёзды светлей засияли,

Хлеб в широких полях колосится совсем по-иному,—
И могучие руки простёр ты к народу родному,

Кто в далёком быллом крепостным погибал в злой неволе,
Кто теперь, как хозяин, выходит на братское поле,

И не копыа сверзимым, не зарев пылающим светом,—
Пусть его озарят ясным солнцем Отчизны Советов.

Вся земля урожаем и жаром железным поята,
И дорога весенняя цыблает льдом под копытом.

Черноморские степи выводят сынов своих, дочей,
И склонились к поэту посаженный зелен-дубочек.

— К нам в колхоз загляни,— земляки приглашают поэта,—
С Катериною поле пойдёшь посмотреть в час расвета.

Посидишь на собрании, где люди — не тайная лавка,—
Коммунисты, вперёд, выходишь, встречаешь Тараса!

Хлебом-солном, цветом, высинок в небо гудим,—
Вот он встал и Отчизну сыновьями обнял руками.

Так, по зову Отчизны, из мглы чёрной ночи угромою
Вышел он, чтобы миру поведал заветные думы,

И над каневской кручей, под солнцем родного края,
Стал, отлитый из бронзы, небес синеву поднимая.

Перевёл с украинского
Бронислав КЕЙСУН

МАЯКОВСКИЙ ЗА ОКЕАНОМ

За крутыми волнами, за океаном,
Там, где в тучах дымя солнце тебёт,
Ходит он со мною спозаранок,
Руку положив на моё плечо.

По мосту по Бруклинскому, по Бродвею,
Мимо небоскрёбов — стекло и сталь —
Он идёт постою широкой стаяю,
Тёплым взглядом легко устремляя вдаль.

Любит его в чёрном Гарлеме негритята,
За версту улыбку его узнают,
В гости приглашают портные ребята,
Кочегары, грузчики — рабочий люд.

Он беседу братскую с ними заводит,
Чтобы правду людям найти,
Он для них волшебное слово находит,
Чтоб оно сызла звездой им в пути.

И от слова этого в Нью-Йорке скриком
Клевета безумствует средь бела дня,
На Уолл-стрите хмурятся банкиры,
Золото в чёрных мешках хорона.

То гудят на улицах не ветер московский —
Порохот наварной асфальт накалён...
— Здравствуй, мой учитель!
— Здравствуй, Маяковский!
Машет ему рук трудовых миллион.

Там, за океаном, он речью всёей
Веру пробуждает в сердце простом.
Слово его какжде молнией блещет,
Каждый шаг — свободы весенний грохот!

Перевёл с украинского
Мари ШЕХТЕР

ЖАВОРОНОК

За апрельским сномни кругозором,
Над широким низом ни простором,
Над дорогой, где гроза асфёт,
Над густым дубом, над тёмным бором,
Он трепещет, бьётся и поёт.

Чтоб зазвенеть весёлой песней мира,
Он поднимает слово бригадиря,
Шум пшеницы в молодом краю —
И вплетёт в мелодию свою

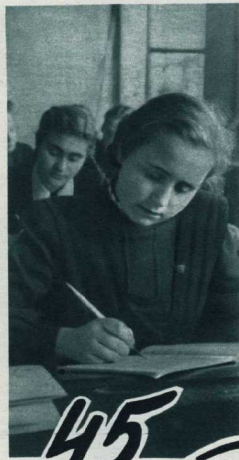
Труд артели нашей неуёмной,
Борозды на ниве чернозёмной,
Атм белизна, горьковатый дык,
На заправке ракеты мотора —
Всё живёт в ту зарею пору,
Рвётся к солнцу, радуется к ним.

Но ему и этих звуков мало:
Он, срывая с ночи покрывало,
Сует, слышит в зальск берегов
Кованое золото плуга,

И, уставший от работы звонкой,
Снежом беззаботного ребёнка
Ляжет на пшеницу, в колосок —
«Всю тебя в щёбет перелю!»

От очей людских забравший пламя,
Щедристь — от земли, под обаянием
Он, незримый, песню льёт в поля,
И к нему, вся убрана цветом,
Ляжется в любовь-моя земля.

Перевёл с украинского
Всенолод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

45 минут

45 минут — столько длится урок в школе.

Много это или мало? Что можно успеть за 45 минут? Почти ничего, если драгоценные минуты растратить по пустякам, бесцельно; очень много, если каждая минута будет использована разумно, с пользой. Измеряется время часами, но для оценки его существует другое мерило: совершенные тобою дела.

«Время дороже всего», — говорил наш великий соотечественник Александр Суворов. Сколько событий происходит в стране за тот короткий срок, что идёт урок в школе, сколько славных дел успевают совершить советские люди, как далеко вперёд шагнёт за это время наша страна! Ещё тысячи тонн чугуна и стали выплавят наши домы и мартены, ещё несколько составов наполнят углём наши шахтёры, ещё несколько десятков автомобилей и тракторов сойдёт с заводских конвейеров, ещё на столько-то сантиметров поднимутся стены вновь сооружаемых зданий...

45 минут! Редакция «Смены» провела своеобразную анкету среди молодых тружеников, представителей различных отраслей промышленности и транспорта. «Что вы успеваете сделать за 45 минут?» — спросили мы их. На этой странице приведены ответы.

Школьники! Береги своё учебное время. Используй его так же разумно и эффективно.

Пока идёт урок...

7,5 тонны катанки сумеет прокатать бригада Сергея Фокина на проволочном стане завода «Серп и молот».

65.000 экземпляров газет отпечатает ротационная машина, на которой работает стхановец типографии «Правда» И. Крылов.

16 пар обуви сделает затылочник фабрики «Парижская коммуна» комсомолец Андрей Чюми.

250 кирпичей уложит молодой каменщик Большого кольца московского метрополитена Михаил Безменов.

4,5 тонны хлеба будет выпечено из теста, которое замесит тестомес Московского хлебозавода К. Чижов.

35 метров шелковой ткани изготовит галкина Кулакова, вязальщица фабрики «Красная заря».

45 километров пройдёт товарный состав, ведомый паровозной бригадой машиниста депо Тула-1 М. Лозмачева.

В ПОДАРОК
Павловской ЛЕСОЗАЩИТНОЙ
станции от комсомольцев
Вагонного депо ст. Оренбург.

Леонид ОБРАЗЦОВ

ЛЕСОПОСАДКИ

Под орех разделана земля.
На машине возят тополя.
За пятнадцать вёрст по большаку.
И шофёр, впервые на веку,
Для машины выбирает путь
Осторожно,
Чтобы не травмировать
Будущего рослые леса,
А пока не выше колеса
Саженью потавских тополей.

— Их нельзя, товарищ, не жалеть! —
Говорит он мягко и тепло,
И в глазах, как на небе, светло,
Будто видит на год вперёд,
Как пшеница по весне астаёт

У лесной защитной полосы,
Строющая от влаги и росы;
Как пустыньки лютой, сухой
Отступил

Навечно перед ней.

На трассе государственных лесозащитных лесополос Челябинской области, на синих казах (вердур) транзитист Павловской лесозащитной станции комсомолец А. Гаврилов призывает молодежную обработку молодых лесонасаждений; вспаханные массивы под лесом на правом берегу реки Урала (вид с самолета). Внизу — полевой вагончик — подорож комсомольцев вагонного депо станции Оренбург; модели — подшерфной лесозащитной станции, ставкой Павловской лесозащитной станции комсомолец Алина Дрофа (слева) и Тамара Башно.

НА БЕРЕГАХ УРАЛА

Прошёл год с тех пор, как партия и правительство приняли величественный план преобразования природы. 6 148 900 гектаров вновь созданных лесных массивов преграды путь ветрам-суховейам. Лесооащитные полосы повысят урожай, изменят климат, увлажнят воздух, создадут прочную структуру почвы.

Передовой защитный заслон от каракумских ветров пройдёт по географической границе Европы и Азии, от горы Вишнёвой до Каспийского моря, протяжением в 1080 километров.

Строительство этой лесной полосы должно было начаться лишь в будущем году, но по инициативе комсомольцев Чкаловской области началось оно гораздо раньше — весной этого года. Досрочно была создана Павловогская лесозащитная станция. В село Борды двинулись гусеничные тракторы, лесопосадочные машины, автомобили, радиостанции, станики, оборудование. В городах и сёлах области на комсомольских собра-

ниях лучшим комсомольцам вручались путёвки на строительство лесной полосы. Комсомольцы по вешним водам доставляли на барже севян, приводили обозы с жёлудями, собранными пионерами и школьниками, а распутицу прокладывали трассу молодёжные отряды геодезистов. Тысячи людей были участниками этой поистине народной стройки.

Подготовка почвы, боронование, дискование и, наконец, сев леса были закончены досрочно. Шестью шелонами, шестью линиями, по шестьдесят метров шириной каждая, поднимаясь над землёй молодой лес. Третья линиями, с промежутками в 100—200 метров, лежали асходы на правую и третью линиями — на левом берегу Урала.

Сейчас на строительстве идёт сооружение жилых домов для лесников и бригадиров. В огромных питомниках выращиваются севянцы, производится полив. Тракторы пахут землю, вгрызаются в почву блестящие диски борон. А молодой лес растёт и крепнет...

Генерал-майор медицинской службы академик К. М. Быков.

МОЗГ И ВНУТРЕННИЕ ОРГАНЫ

Академик К. БЫКОВ,
лауреат Сталинской премии

Нервная система—мощный регулятор и контролёр всех процессов, происходящих в живом организме, начиная с роста и питания отдельной клеточки и кончая сложнейшими процессами умственной деятельности человека. Вся нервная система представляет собой единое целое: недаром называется она системой. Она состоит из головного и спинного мозга и отходящих от них нервных путей, пронизывающих буквально все органы и ткани животного и человека. Разные отделы нервной системы управляют разными функциями. Спинной мозг осуществляет руководство наиболее простыми, примитивными движениями, совершающимися непроизвольно, а также деятельностью внутренних органов. Части головного мозга, расположенные в глубине его, заведуют врожденными актами, или инстинктами (безусловными рефлексиями, по терминологии И. П. Павлова), которые представляют собой поцелые сложные акты деятельности животных, существующие с первых дней жизни. Различают инстинкты: пищевой (акт захватывания и поглощения пищи), оборонительный и некоторые другие. Наконец, самый высший отдел—кора головного мозга—является верховным контролёром для всех низших отделов нервной системы и регулирует отношения живого организма с окружающей его средой. Нервная система обеспечивает все важнейшие действия всего организма, самую возможность его жизни.

Изучением работы различных отделов мозга занимается физиология. Но до сравнительно недавнего времени высший отдел мозга—кора—был как бы запретной зоной для физиологов. Единая нервная система была искусственно раздвинута. Поведение животного было названо «душевной» деятельностью, изучалось с идеалистических позиций, и в результате этого не было правильного представления об этой сложной нервной деятельности. Тем самым открывался простор для всяких суеверий.

В основе изучения поведения животных и

человека лежала либо признание существования в живом организме какой-то нематериальной, сверхъестественной «сказочной силы» (платонизм), либо мысль о сосуществовании двух оторванных друг от друга начал—духа и тела (дуализм), либо, наконец, открытая вера в бессмертную душу, существующую независимо от тела (анимизм).

Представителям русской науки принадлежит честь построения материалистического учения о высшей нервной (так называемой душевной) деятельности животных и человека.

Глубоко понимая неслепоту и вред религиозно-идеалистических воззрений, И. П. Павлов ещё в 1903 году говорил: «...для натуралиста... душа, как натуралистический принцип, не только не нужна... а даже вредно давала бы себе знать на его работе».

Первым тяжёлым ударом, нанесённым идеалистическим воззрениям, была книга юной русской физиолога И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга». Книгу эту наш великий соотечественник и учитель И. П. Павлов назвал «гениальным выхоном Сеченовой мысли». В этой работе Сеченова сделана попытка объяснить всё поведение человека с точки зрения рефлексов. Это было действительно гениальное предвидение, но ему не хватало доказательств, фактов. Продолжателем Сеченова был И. П. Павлов, создавший за 35 лет плодотворнейшей и напряжённой работы мысли подлинно материалистическое учение о высшей нервной деятельности животных, основанное на исключительно богатым и абсолютно достоверным фактическим материале, добытом в опытах Ивана Петровича и его учеников. В основу своего учения Павлов положил рефлекторную теорию.

Учение Павлова, открывшее новую эру в физиологии, могло возникнуть и вырасти только у нас, в России. Почва для него была подготовлена философами-материалистами Гершманом, Чернышевским, радикальными сочинениями Писарева, которыми увлекался в юности

И. П. Павлов, передовыми взглядами русских учёных.

Основной принцип теории Павлова—принцип условных рефлексов, принцип временных связей.

Условный рефлекс, как и всякий рефлекс, есть ответная реакция животного на какое-либо воздействие. Если собаке предложить кусок мяса, она жадно схватит его, стремительно будет пережёвывать, из слюнных желез будет обильно выделяться слюна. Это есть рефлекс, пищевой рефлекс, но он, как известно, существует от рождения, для его образования не нужно никаких особых условий. Это безусловный рефлекс. Но предположим, что мы неслышно раз покормили собаку из одной определённой посуды. Через некоторое время мы обнаруживаем, что самый вид посуды вызывает у собаки слюноотделение, она облизывается, тянется к миске.

Что произошло? Образовался новый рефлекс—рефлекс на показывание миски. Этот рефлекс особый, он потребовал в качестве непременного условия повторного подкрепления из одной и той же посуды. Такой рефлекс называется условным. Условные рефлексы отсутствуют при рождении животного, они являются результатом его жизненного опыта и потому называются ещё приобретенными.

Благодаря огромному количеству условных рефлексов, вырабатывающихся в процессе развития и воспитания у животных, последние выступают в правильные взаимоотношения с окружающим миром и получают возможность добывать пищу, избегать опасности, сохранять целостность своего организма. Иван Петрович Павлов изучал поведение животных, пользуясь как показателем деятельности слюнной железы. С расширением и развитием учения о высшей нервной деятельности вставал вопрос о влиянии коры головного мозга на деятельность других органов—почек, желудка, кишечника и т. д. Попыткой осветить этот вопрос занялся я с моими сотрудниками. Начали мы эту работу ещё при жизни Ивана Петровича, в 1927 году, с изучения деятельности почки.

Может ли почка, подобно слюнной железе, работать по сигналу звонка или вспыхивающей лампы?

Наблюдать за почкой много сложнее, чем за отделением слюны. Нужно предварительно произвести операцию перерезки и вшивания в кожу живота мочеточников. Тогда моча из почки будет поступать не в мочевой пузырь, а прямо наружу. Если в кровь собаки ввести большое количество рефлекса, вызывающего мочу, можно незаметно увеличить. Это такой же врожденный, безусловный рефлекс, как отделение слюны при еде. Можно также влияние жидкости сопровождать каким-нибудь звуком, скажем, звонком. При описанном подкреплении этой комбинации уже через неделю можно обнаружить резкое усиление работы почки при одном только звуке звонка, без введения жидкости. Следовательно, перед нами вновь возник рефлекс: условный рефлекс на деятельность почки.

Есть у нас в организме орган, до последнего времени считавшийся загадочным. Это селезёнка. Сейчас роль её во многом выяснена. В будущей деде, когда телёнок явится на свет, ушам и носу, часть трамвайных поездов стоит в депо. В праздник выходят на улицы все трамваи, чтобы вывести сотни тысяч людей за город, в парки, на стадионы. Когда человек или животное спойманы, не вся кровь бежит по сосудам, большая часть останавливается в специальных «кровяных депо». При работе, беге организму требуется много кислорода, для доставки его нужно больше крови,—тогда «депо» поставлено застоявшуюся в них кровь и обогащает её сосуды. Селезёнка—главное «кровяное депо». Подопалста ли селезёнка коре головного мозга? У собаки специальной операцией селезёнка выведена под кожу, особый прибор регистрирует её сокращения. Звук свистка много раз вызывает сокращения, которые производят селезёнку. Раздётся свисток, и прибор мгновенно произведёт отметку: селезёнка сократилась. Свисток был сигналом для полноты организма к повышенному потреблению кислорода.

Мы имеем ныне возможность наблюдать всепроникающее влияние высшего нервного контроля на все без исключения внутренние орга-

ны. Условный рефлекс на деятельность внутренних органов — явление сложное, затрагивающее целую систему органов или даже весь организм. Каждый орган, когда действует условный сигнал, приступает к работе последовательно, он как бы отсчитывает время вступления в работу по своим часам. Иногда условный рефлекс может оказаться даже сильнее безусловного. Можно образовать условный рефлекс на деятельность сердца. Для этого необходимо сочетать введение в кровь какого-либо вещества, ускоряющего деятельность сердца, с каким-либо сигналом, например, со звуком. Через некоторое время звук сам по себе начнет вызывать ускорение сердцебиения. Если теперь во время звучания вести в кровь вещество, замедляющее сердечную деятельность, произойдет борьба двух рефлексов — условного от звука и безусловного на введение вещества. Победителем в этой борьбе выходит звук — сердце продолжает биться в ускоренном ритме, условный раздражитель оказывается сильнее безусловного.

Такого рода явления наблюдаются и в жизни человека. Обмен веществ в живом организме стоит в связи с температурой окружающей среды: чем ниже внешняя температура, тем интенсивнее протекает обмен веществ, поддерживающий постоянную температуру тела. У кондукторов товарных поездов, совершающих путь от Ленинграда в Болгое и обратно в зимнее время, происходит интересное изменение в обмене веществ. По пути в Болгомоу обмени все время растет (предстоит длительный путь на холоде), на обратном пути при той же температуре воздуха подобного изменения обмена веществ не происходит (приближение к дому).

В знаменитой сатире Вольтера «Микромегас» обитатель Сатурна спрашивает путешественника с Сириуса: «Сколько у вас чувств?», «72», — отвечает тот, — но каждый раз мы жалеем, что их у нас так мало. Мы можем спросить: сколько у человека чувств? У нас пять чувств, но есть много других, «темных», по выражению И. М. Сеченова, чувств. И они влияют на нас, их импульсы доходят до коры головного мозга. Чувств, приходящих к нам из внешнего мира, мы создаем, а то, что идет из «внутреннего хозяйства», ниже порога сознания. Можно догадываться, что это какой-то подсознательный процесс. Это может дойти до коры головного мозга. Чувств, приходящих к нам из внешнего мира, мы создаем, а то, что идет из «внутреннего хозяйства», ниже порога сознания. Можно догадываться, что это какой-то подсознательный процесс. Это может дойти до коры головного мозга.

Наши исследования являются первыми опытами физиологического анализа работы коры головного мозга. Мы обнаружили, что в ответ на импульсы, исходящие из внутреннего мира животного организма. Мы начали выдвигать законы, по которым совершаются самые сложные процессы мозговой деятельности, и это, как говорил Павлов, целиком заслуга нашей русской физиологической школы.

Я имел возможность остановиться здесь лишь на одной ветви развития учения Ивана Петровича Павлова.

Научные наработки Павлова успешно разрабатываются многими его учениками и исследователями в разных городах и научных лабораториях Советского Союза. Школа академика Орбели, старшего ученика Ивана Петровича изучает высшую нервную деятельность на различных представителях животного мира в процессе развития организма от первых дней его жизни. В лаборатории профессора Кутузова соборно научно подвигаются так называемые укороченные рефлексы. Большой вклад в дело развития павловского наследства сделали также ученые, как И. П. Разенков, А. Д. Сперанский, Э. А. Асратян, П. К. Аюханян, Д. А. Барков, А. Г. Иванов-Смоленский и многие другие. Только в нашей стране возможен такой огромный размах научной работы.

Советская физиология заняла ведущее место в мире. Этим мы обязаны прежде всего гениальному сыну русского народа, классическому естествознанию, творцу материалистического учения о высшей нервной деятельности Ивану Петровичу Павлову. Образ Ивана Петровича, его страсть к научным исследованиям, его последовательность в собирании знаний, принципиальность и кристальная честность в науке и жизни должны служить примером для молодежи нашей страны. Золотые слова, адресованные покойнику моей родины, служат путеводной звездой для каждого юноши или девушки, посвятивших себя служению науке.

Группа студентов у здания Таджикского государственного университета.

СТУДЕНТЫ ТАДЖИКИСТАНА

У подъезда большого красивого здания собралась шумная молодежь. Студенты вернулись в свой университет. Смуглые лица, живые черные глаза. Девушки в пестрых таджикских платьях, с длинными черными косами, юноши в белых интеллах и расшитых цветными шалями тобетках — все яро и расчистно.

Здесь много молодых людей с боевыми наградами. И рядом с ними юные шопинки, только что сдавшие экзамены. Они такостымы. Студент университета? В этих словах и мечта, и надежда, и гордость.

Таджикскому государственному университету всего один год. Но слава о нем дошла до самых отдаленных горных кишлаков Таджикистана. Во время летних каникул, когда молодежь побывала в родных кишлаках, о Сталинабадском университете подробно узнали и хлопотницы Бахшиской долины, и виноградники Канибада, и пастухи Гарва.

— Пошли в университет нашу Субулю! — сказал старый Малоназар из дальнего памирского кишлака Шудланд. — При советской власти дети пастуха могут быть учеными, и я хочу, чтобы мои дети стали учеными.

Старший сын Малоназара, Дифонд, — студент Сталинабадского педагогического института; второй сын преподает в начальной школе; дочь Субулю занимается среднюю школу в кишлаке и собирается в университет.

В просторном вестибюле университета встретились старые приятели Абдусатор Ходинабаев и Рауф Дадабаев. Оба весело приветствуют друг друга и крепко пожимают руки.

— Наконец-то я вижу свою комсомольскую актив! — восклицает Дадабаев. — Представляешь себе, сильно занят секретарем комсомольской организации, когда принято в университет учиться? Вот и я сейчас комсомолец! Теперь наша организация выросла до тридцати человек.

— Вот это здорово! — согласился Абдусатор. — Будем расти вместе с нашим университетом.

После долгой разлуки много новостей. Абдусатор рассказывает о своем путешествии в Биннабад. Рауф сообщает другу университетские новости: получено оборудование для химических и физических лабораторий, приехали новые профессора; после осеннего приёма в университете уже около 400 учащихся.

Абдусатор Ходинабаев — участник Сталинградской битвы, был несколько раз ранен и контужен. 7 раз отмечен правительственными наградами. Вместе с другими воинами он участвовал в боях за Москву. Победу он сражался и подножно мавзолея зловонные в боях фашистские знамена. Ещё в школе Абдусатор увлекался историей, интересовался культурой Бинного Востока, похородам знаменитых полководцев: Хасана, Македонского и Тамерлана. Абдусатор рано освоился и воспитывался в интернате. Его восторженности. В дни Сталинградской битвы его приняли в ряды большинства партии. Кончив войну, Ходинабаев, успешно сдав экзамены, поступил на исторический факультет Таджикского университета.

Знаком освещая начало занятий, студенты спешат в аудитории. Второй курс исторического факультета стел приветствует профессора Раджабова. Зариф Шарипов Раджабов, доктор исторических наук, — ректор университета. Он читает курс истории СССР. Лещани Зарифа Шариповича пользуются большой популярностью не только у студентов, но и среди высшей интеллигенции города Сталинабада. Профессор Раджабов часто выступает в клубе, на предприятиях города, в учреждениях с научными лекциями.

После лекции студенты горячо обсуждают курсовые работы. Одной из лучших, безусловно признана курсовая работа студентки-таджикки Маломанова, посвященная проследению буддизма. Маломанова серьезно поработал над своей темой. Сыскайкинская студентка, студент Маломанова обещает стать хорошим историком.

В просторном вестибюле университета снова заполняется просторный вестибюль. Плотным потоком орудия молотят студентку филологического факультета Хуршиду Атазонову. Она была участницей Всесоюзной конференции сторонников мира. Хуршуда с восторгом рассказывает обо всем, что запечатлелось в её памяти.

Тут же возникает своеобразный митинг. Студенты горячо высказывают свои мысли, говорят о своей страсти к миру и о готовности всеми силами отстоять до конца защищать свою любимую Родину.

В этом году таджикский народ празднует двадцатилетие своей республики. Какие удивительные перемены произошли за эти годы на древней земле Таджикистана! Там, где были пустыни и болота, расцвели сады и поля. Там, где были бесплодные кишлаки, выросли города; где бродили дикие звери, созданы промышленные предприятия, шахты и заводы. Подорожные земли, небольшие водные каналы, стали давать сказочные урожаи.

Тысячи юношей и девушек Таджикистана заканчивают школы и учатся в высших учебных заведениях страны. Студенты университета — историки, биологи, филологи, геологи, географы — все время работают в рядах таджикской интеллигенции, сном трудом и знанием будут умножать богатство и могущество Родины.

К. МОНСЕЕВА

г. Сталинабад.

ДВА УНИВЕРСИТЕТА

Чехов вложил в уста одного из персонажей в «Трёх сестрах» знаменитые слова: «Бог Моисея два университета».

Их было действительно два. Один помещался на Моховой, другой — на Театральной площади, подлинный чех художественной и культурной жизни страны, называвшийся Малым театром.

Старая, более чем вековая дружба, не прекращающаяся и поныне, связывает оба университета.

У них были разные способы, разные формы служения, но цель была одна. Московский университет, основанный гениальным архангельским «мужиком», стремился распространять знания в широких слоях общества, утверждать гуманистические идеалы, будить общественное самосознание. Малый театр своим искусством будил высокие мысли и добрые чувства, призывал к борьбе за те же гуманистические идеалы. Студенты, которые слушали раздвоенные речи Грановского, Крюкова, Соловьева, Ключевского и других профессоров, на протяжении десятилетий ассоциировались с именами выдающимися от игры Щепкина, Мочалова, Садовского, Ленского, Федотовой, Ермоловой — всей славной плеяды артистов Малого театра, порывавших сердца, раскрывавших реалистическое, идеальное искусство Губина и Гоголя, Островского и Сухова-Кобылина, Щепкина и Лопе де Вега, Мольера и Шиллера.

Оттого воздействие обоих университетов на русское общество было осязающим: они дополняли друг друга и взаимосодействовали. И если, например, знаменитая Ермолова и другие актеры трактовкой многих образов обязаны профессорам университета, то в свою очередь актёрское творчество обогащало профессорскую мысль, примером чего служат анализ фонизмского «Недоросля», сделанный историком В. О. Ключевским под впечатлением игры артиста Малого театра Н. И. Музалевского, создавшего незабываемый образ Митрофанушки.

История идейно-творческой связи университета и Малого театра весьма познавательна. Она объясняет, почему с каждым годом всё более крепла дружба между двумя центрами прогрессивной общественной мысли.

Московский университет в известном смысле можно назвать вообще колыбелью русского театра.

В 1756 году была организована «Вольная студенческая группа», которой руководил М. М. Херасков. Студенты-разночинцы обучались пению, музыке и драматическому искусству. В «Московских ведомостях» (17 июля 1757 года) было помещено любопытное объявление: «Женщинам и девицам, имеющим способности и желание представлять театральные действия, также петь и обучать тому других, объявляется в канцелярии Московского Императорского Университета».

Спектакли студенческой драматической группы давались в здании университета. Об успехах студенческого театра говорит тот факт, что в 1761 году по повелению Елизаветы II часть студентов, среди которых находился молодой Фоминин, была переведена в Петербург для пополнения труппы Волкова. В 1777 году знаменитый актер Пётр Яковлевич, сам воспитанник университета, восстановил студенческий театр. Плавильником был первым «учителем декламации» в университетском благородном пансионе первыми русскими актерами. Когда Николай Иванович Яковлев «Общество любителей российской словесности» при Московском университете.

Московский университет был колыбелью и самого Малого театра. В его стенах дебатировали и создали ряд своих замечательных произведений русского сценического реализма Щепкина. В его стенах проявились драматурги Мочалова, Живокина, Дм. Ленского. Это-то искусство и составили основное ядро труппы Малого театра.

Такое с самого возникновения Малый театр оказал связанный родственными узами с Московским университетом. Не случайно личными друзьями первого актёра Малого театра Щепкина и его семьи были историки М. Погодин и Т. Грановский, Д. Перевозчиков, историк русской литературы С. П. Шевяков, творец классической литературы Д. Крюков, математик П. Щепкина. А через актёра Щепкина они были близки и к таким его ученикам, как И. Самарин, С. Шумский и другие.

«Я не сидел на скамьях студентов», — говорил М. Щепкин, — но с гордостью скажу, что многим обязан Московскому университету в плане его представлений. Один научил меня мыслить; другое — глубоко понимать искусство».

Представители русской науки были не одними Щепкина «двигателями на сценическом поприще». С пушкинских времён при Московском университете работала «Общество любителей российской словесности», в составе членов которого находились виднейшие деятели Малого театра. В свою очередь, членами возникшего в 1891 году театрально-литературного общества, великого репертуарного общества, был профессор Московского университета Тихомиров, Стороженко, Иванов, Сакулин, причём последний принимал близкое участие в деятельности театра уже в советские годы. Кризисные музеи театра многоценными студенческие письма, относящиеся к дореволюционному времени и написанные в наши дни, говорят об огромном влиянии, которое Малый театр оказал на развитие культуры, дополняя, углубляя то, чему она научалась на университетской скамье.

Чем ближе к нашему времени, тем многограннее становится связь Малого театра и университета.

Московский университет в наши дни, как почти десяти лет назад, является колыбелью молодых студентов. В 1936 году была создана студенческий театральный коллектив, ставший центром студенческой художественной самодеятельности. В активе кружка значительное число представителей в концертах, на которых появлялось около 150 тысяч зрителей. В его репертуаре «Чайка» и «Мелочь Чехова», «Волки и овцы» и «На всякого мудреца довольно простоты» Островского, «Мещане» Горького, «Встреча с осликом» Арбузова и т. д. В 1940 году театральный коллектив студентов занял первое место на общесоюзном смотре художественной самодеятельности, а в 1941 году — такое же место на Всесоюзном смотре. Показанным тогда спектаклем «На всякого мудреца довольно простоты» получил очень хорошую оценку.

Студенческий кружок, выросший за тринадцать лет в жизнеспособный театральный коллектив, сыграл значительную роль в укреплении связи университета с театром. Через этот коллектив прошло больше 700 студентов, из которых многие по окончании университета стали руководителями кружков самодеятельного искусства.

Этими успехами театральный кружок студентов обязан тем, что планомерно и повседневно помощь оказывали ему наряду с артистами МХАТ и деятелями Малого театра. Среди них были старые мастера, как Е. Урунташвили, и молодые, как Телегина, Еремеева и другие, которые делились со студентами своим опытом.

Два года назад молодые актёры Малого театра показали студентам спектакль «Песнь о Гюльштане», «Горе от ума», «Правда хорошо...», «Без степей Украины», «Слава» и др.

Студенты и профессора приглашаются на генеральные репетиции пьес и принимают участие в постановке спектаклей. В последние годы режиссёрами. В текущем году установлено взаимное шефство театра и университета, в порядке которого профессора выступают с лекциями на научные и литературные темы в театре, а мо-

лодые артисты в связи с юбилеем театра готовят творческий отчёт молодёжи МГУ. Связь между театром и университетом простирается до того — и это весьма знаменательно для наших дней — что в пионерлагере МГУ сорок мест предоставляется детям работников Малого театра, что на заседаниях комсомольской организации Малого театра присутствуют представители комсомольской организации университета и наоборот.

Тесная и многосторонняя связь между молодёжью университета и театром датируется в период, когда Малый театр готовил пьесы Л. Зорина «Молодость», посвящённую жизни и учёбе студентов Московского университета. Молодые артисты, которым предстояло играть в спектакле, почти все время проводили с сотней студентов, ходили в университет, присутствовали на лекциях, посещали лаборатории. Они хотели, чтобы им одно проявление студенческой жизни не осталось им неизвестным, и потому выезжали даже в студенческое общежитие. В свою очередь, студенты присутствовали на репетициях пьесы. В частности, студент исторического факультета, герой Советского Союза Александр Размыслов, выполнявший актёрскую роль морального облика студентов, об их какой-либо задаче, об идеологической борьбе с космополитизмом на факультете.

Как известно, близкое знакомство актёров со студентами РСФСР и СССР, взаимное общение между театром и университетом не в качестве гостей, а в качестве настоящих друзей, помогло коллективу театра создать правдивый и волнующий спектакль о советском студенчестве. Далеко «старина» зародилась, молодым людям, которым велью от спектакля. «Играешь с молодёжью, для молодых — и снова чувствуешь себя молодым и полным сил», — признавался народный артист РСФСР А. Зряевский.

Особенно плодотворными оказались подготовка и участие в спектакле для молодых исполнителей. «Я неоднократно бывала в университете, внимательно наблюдала за студентами, разговаривала с ними, и мне хотелось сделать что-то для себя», — говорила М. Овчинникова, играющая Олю Морозову.

Другой молодой исполнитель, Г. Сергеев, член комитета ВЛКСМ театра, признал, что роль студента Виктора Плотникова помогла ему создать образ простого советского молодого человека — твёрдого в убеждениях, прямого и чуткого.

Если работа над пьесой имела большое воспитательное значение для молодых артистов, то самый спектакль, поставленный по инициативе комсомольской организации театра, явился замечательным подарком московской молодёжи.

Нет сомнения, что дружба Московского университета и Малого театра, получающая яркое выражение в этом спектакле, будет всё более крепнуть.

Мы имеем внешнюю схему отношений между Московским университетом и Малым театром. Очевидны и огромное внутреннее содержание и историческое значение этой дружбы между университетом, который помогал артистам войти в мир поэтических образов, и Малым театром, который всегда был театром прогрессивной общественной мысли, выразителем духа и чаяний родного народа. Не случайно именно Малый театр, расклевывая свои двери волею артиста и народа, создал первый советский классический спектакль — «Любовь Яровая».

В заключение хочется повторить пронизывающую весь спектакль тему — обращение в 1940 году к Московскому университету в день его 185-летия: «Глубоко и трепетно волнует нас мысль каждый раз, когда наблюдаешь связь университета с театром. Эта связь — даром жизни, даром культуры. В этой связи заложено благороднейшее из человеческих переживаний, дружеское и бескорыстное служение Родине и упорное проведение в жизнь великих идей Ленина—Сталина».

На уроке танца.

Фото Г. Александрова

Сцена из драмы А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» в исполнении Ю. Егоренко и Д. Кознова.

Сцена из драматической поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» в исполнении В. Александрова, А. Климовой, А. Симонова.

ТЕАТРАЛЬНОЕ
УЧИЛИЩЕ
ИМЕНИ
М. С. ЩЕПКИНА

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

[К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ]

Отрывки

Своею отпущен, хос стужахъ и стужей.
Не пойдешь въ развѣдочъ мой.
Киселева, вѣтчанная, вѣтчанная,
Киселева, вѣтчанная, вѣтчанная,
Киселева, вѣтчанная, вѣтчанная,
Киселева, вѣтчанная, вѣтчанная,
Киселева, вѣтчанная, вѣтчанная,
Киселева, вѣтчанная, вѣтчанная.

Киселева — разто пужаю самъ? —
Се хосъ, хосъ, хосъ, хосъ,
Се хосъ, хосъ, хосъ, хосъ,
Се хосъ, хосъ, хосъ, хосъ,
Се хосъ, хосъ, хосъ, хосъ.

М. Ю. Лермонтов

Начальные строфы стихотворения «Родина» («Отчизна»).

Новое о Лермонтов

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ и А. П. ЕРМОЛОВ

Весной 1841 года, саязая на Кавказ, в смысле, Лермонтов остановился в Москве. Пост Крысов видел его в «Балетном собрании» — нынешнем Колонном зале Дома союзов — и писал на другой день в Петербург журналисту Краевскому: «Целый вечер и на сводки с него глас. Какое энергическое, простое, альвное лицо. — Он был грустен и — когда уходил из собрания в своем армейском мундире из кавказским кивером — у меня складся сердце...»

Предчувствие не обмануло Крысова. Через два месяца на Москву пришло известие о гибели Лермонтова.

Накануне отъезда Лермонтова переехала редакция журнала «Москвитин» свое новое стихотворение «Спор» и просила напечатать его просто, без всяких примечаний от издателя, и подписать его имени. В этом стихотворении поэт в аллегорической форме рассказывает о кавказской войне. Вопрос о том, с «Севером», то есть с Россией, или с «Востоком» придется идти кавказским горцам по пути дальнейшего исторического развития, был для Лермонтова в 1841 году уже решенным вопросом. И хотя сочувствие его попрежнему оставалось на стороне «утруемого Кавказа», олицетворяющего в стихотворении борьбу кавказских горцев с царской властью за свое независимое и свободное, тем не менее продвижение России на Кавказ представлялось ему закономерным и исторически необходимым, ибо «облава мод и алто», Россия олицетворяла собою «примышленный век» — более высокую ступень экономического и культурного развития.

В этом и заключается спор психронного Шата с еще не покорившим Кавказом вой на Кавказе продолжалась, но мекод ее был уже предсказан.

Спор Кавказа с Шат-гором завершается в стихотворении Лермонтова описанием победоносного движения русских войск, предводительствуемых генералом Ермоловым. Имя Ермолова в стихотворении не названо, но современники легко угадывали его по строчкам:

И испытанный турками
Бури боевой
Их ведет, грозя очами,

Генерал седой.
Эти строки вызвали в памяти гравированное изображение знаменитого полководца с нахмуренными бровями и задропанного в кавказскую бурку.

Но совершенно не ясно, почему Лермонтов вспоминал о Ермолове в 1841 году? Ермолов был давно ушел из Кавказа и уже четырнадцать лет жил на покое в России. Почему Лермонтов не назвал его имени? Почему прося редакция «Москвитин» напечатать стихотворение просто, без примечаний, словно был уверен, что редакция непременно захочет сопроводить стихотворение какими-то пояснениями?

До сих пор исследователи не могли дать на эти вопросы никакого ответа. А между тем, связывая в 1841 году покорение Кавказа с именем генерала Ермолова, Лермонтов вкладывал в свое стихотворение острый политический смысл. Этот смысл стихотворение приобрело потому, что Ермолов находился в опале.

Ермолов — суворовский ученик, герой Бородине и Кулямы, один из самых прославленных участников Отечественной войны 1812 года. После смерти сподвижников Суворова — Кутузова и Баргатиона — он, несомненно, был в русской армии самой популярной фигурой.

Политическое возмущение Ермолова, его презрение к придворной кляксе и к

М. Ю. Лермонтов. Рисунок Д. Павлова (1840 г.)

Визу автограф стихотворения «Спор»

столичный бюрократизм посужаям главной причиной его назначения на Кавказ. Правительство Александра I опасалось его популярности и стремилось удавить Ермолова из столицы.

В 1816—1827 годах, в пору пребывания Ермолова на Кавказе, русские войска добились наибольших успехов. Демократические порядки, которые он видел в армии, создали ему среди солдат и офицеров огромный авторитет. В «Герое нашего време-

Рисунок из автографа стихотворения «Спор»
 «Спор» — это не просто стихотворение, а политическое заявление. Оно посвящено Кавказу, но на самом деле оно посвящено России. Оно посвящено тому, что Россия должна быть свободной, что Россия должна быть независимой. Оно посвящено тому, что Россия должна быть сильной, что Россия должна быть великой. Оно посвящено тому, что Россия должна быть счастливой, что Россия должна быть процветающей. Оно посвящено тому, что Россия должна быть свободной, что Россия должна быть независимой. Оно посвящено тому, что Россия должна быть сильной, что Россия должна быть великой. Оно посвящено тому, что Россия должна быть счастливой, что Россия должна быть процветающей.

ни Лермонтов подчеркнул, что старый кавказец Максим Максимыч с гордостью и уважением вспоминает старого генерала и называет его в разговорах по имени-отчеству.

«А вы давно здесь служите?»
 «А я и уж здесь служил при Алексее Петровиче», — отвечал он присоснавшись, — пишет Лермонтов в «Вале».

Декабристы рассчитывали, что Ермолов во главе своих войск примет их сторону. Рываев в Кюхельбекер посвящал ему стихотворения. На собраниях тайного общества в Петербурге, намечая состав верховного правительства, в руки которого должна была перейти власть после переворота, заговорщики, кроме имен Моравина и Сперанского, называли имя Ермолова.

Грибоедов служил в Грузии под его начальством. Ермолов высоко ценна его и любил. Узнав о поражении восстания в Петербурге, Ермолов предупредил Грибоедова, и тот успел уничтожить бумаги, скрыв свою связь с тайным обществом.

Популярность Ермолова в среде декабристов возбудила против него сильные подозрения Николая I. Вскоре после окантации суда над декабристами Ермолов был заменен Паскевичем и отозван с Кавказа. Так он и жил не у себя в Орле, а потом — в Москве, встречая выражения чувства со стороны прогрессивной части русского общества.

Направляясь в 1829 году на Кавказ, в ставку Паскевича, Пушкин сделал 200 верст ашинки, чтобы позидать Ермолова, жившего в ту пору в Орле.

«В первый раз не знакомится коротко», — писал Ермолов Денису Давыдову, — но какая власть высокого таланта! Я нашёл в себе чувство, кроме невольного уважения».

Интерес к личности Ермолова пробудил Пушкина через шесть лет обратиться к нему с письмом, в котором он изыскивал желания написать историю его жизни и деятельности или быт издателям его записок. Ещё раньше Пушкин сообщил брату своему Алыу Сергеевичу, что собирается заняться историей Грузии и историей ермоловской войны на Кавказе.

Со слов современников мы знаем, что и Лермонтов незадолго до смерти задумал книгу об истории кавказской войны, с Тихомиром при Ермолове, с его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране.

Если вспомнить, при этом, что в последние год своей жизни Лермонтов на Кавказе близко сошёлся с Алыом Сергеевичем Пушкиным, мы почти с полной уверенностью можем сказать, что он знала от Алыу Сергеевича об этом несущественном замысле Пушкина и что его собственный замысел написать о Ермолове представлял собой как бы «вторичную» историю жизни и деятельности Пушкина. Но в самое последнее время обнаружены факты, которые проливают на историю этого замысла новый и яркий свет.

До сих пор почти никому не известно, что Лермонтов написал «Спор» после свидания с Ермоловым. Свидание это состоялось в Москве зимой 1841 года. Это яствует из черновика письма генерала Павла Христофоровича Граббе — командующего войсками на Кавказской линии и в Черноморье — к Алексею Петровичу Ермолову. Письмо это, датированное 15 марта 1841 года, только недавно обнаружено лермонтоведом С. А. Андреевым Крижичем в Центральном Военно-историческом архиве в Москве.

«В письме Граббе от 17 февраля», — пишет и вычеркивает Граббе, — Кн. Эрнст доставил на прошлой неделе намеченного человека с письмом Вашим от 17 пр. и.ч. В этом письме Вы указали, что о П. Евдокимов, о котором Вы за три дня перед тем [отправил] писали ко мне... и с ожиданием его я medals отомстил на послед-

14

Маганы вратаря

БЕСЕДА С ЗАСЛУЖЕННЫМ МАСТЕРОМ СПОРТА А. ХОМИЧЕМ

Издали сетка напоминает пачку. На её фоне маячит фигура человека в чёрной одежде — вратарь. Внешне человек этот кажется спокойным. Но это не совсем так. В момент матча его глаза, как и глаза десятков тысяч зрителей, затаившихся трибуны стадиона, прикованы к центру поля: там идёт упорная борьба за мяч. Вот мяч угрожающе приблизился к воротам. Вратарь стоит обеспокоен. Его мысли разбегались по полю, и четко, отмечая каждое движение нападающих противника и своих защитников, предлагавшая последующую комбинацию, опасный момент, удар. Мяч отбит. Ещё удар. Зрителю кажется, что у человека, стоящего в воротах, не одна лару кул, много глаз, гибкое, легко управляемое тело. Бросок — мяч взлет.

На тридцати одной игре, проведенных на первенство СССР по футболу в текущем году, 24 раза ворота московской команды «Динамо» защищал заслуженный мастер спорта Алексей Хомич. Как известно, московские динамовцы возглавляли таблицу розыгрыша набрав после 31 игры 51 очко при соотношении мячей 90:29.

Участник многих международных встреч, А. Хомич заслуженно считается одним из лучших вратарей Советского Союза.

Редакция «Смены» обратилась к Алексею Хомичу с просьбой поделиться с читателями своими впечатлениями о прошедших играх на первенство СССР по футболу, об игре отдельных команд и игроков.

А. Хомич сказал: — Договорился сразу, что о команде, честь которой я защищаю, мы говорить не будем. Об этом пусть расскажут другие.

В этом году розыгрыш первенства страны по футболу был начат на две недели раньше и продолжался до середины октября. Это своеобразный харьковский бет с мячом вылезли участники пяти новых команд: харьковского «Локомотива», бакинского «Нефтяника», ереванского «Динамо», рижской «Даугавы» и команды города Сталина «Шахтер». Всесоюзный футбольный чемпионат — самое длительное у нас в стране спортивное соревнование. Это обстоятельство сказывается на многих оперативных паузах между матчами, а играм приходится участвовать через три, максимум четыре дня. Естественно, что игрок ставится очень мало времени на учебно-тренировочную работу. Миссия решает хорошая физическая и моральная подготовка участников встреч и ре-

зультатами. Торпеды Сталинграда с разгромным счётом прогнали московскому «Спартаку» (8:2), а через несколько дней выиграла у чемпионов страны — команды ЦДКА — со счётом 3:1.

Встречи советских футболистов с венгерскими, прошедшие под знаком дружбы и солидарности спортсменов двух стран, показали высокую технику советского футбола. В матче «Динамо» — «Вашаш» наглядно можно было видеть лучшие черты советской школы футбола: коллективизм, отличную физическую подготовку наших игроков, их охоту к победе, упорство и нападение, ценность в защите, т. е. то, что мы называем гибкой тактикой и высокой техникой.

Наша команда, как и «Спартак» и ЦДКА, охотно применяет мелкий пас, так как длинный пас не всегда бывает точен, а это облегчает игру защиты противника. Стало обычным для всех полных команд перемещение игроков, стремление к быстрым и тонким передачам партнёру, не злоупотребляя при этом жёстким мячом. Нападающие бьют с различных положений, часто ударяют носком, а мяч, пробитый таким образом, очень труден для вратаря.

По-моему, наши футболисты ещё недостаточно сильно играют головой, особенно при подаче угловых ударов. Как правило, при угловых подачах нападающие в большинстве прибегают к боксировке вратаря, а иногда просто «швыряют» его, за что совершенно правильно штрафуются судьями.

В новых командах удары нападающих плохо отработаны; некоторые игроки медлят с ударами по воротам, стараясь обвести вратаря, а это задерживает темп игры и значительно облегчает игру защиты.

Для меня всегда представляло большую опасность «падеж» партнёров нападающих армейцев, спартаковцев Н. Демьянтова и Александра Пономарёва из московского «Торпедо». Кажется, года два назад я увидел в газете дружеский шарж Бор. Ефимова «Пономарёв атакует...» Лидер торпедовцев изображён там чуть ли не летящим над полем с крыльями на ногах. Когда мы остаёмся один на один, он мне действительно представляется летящим вместе с мячом в сетку вратаря. И конечно, этот перекрёстный игрок с его беспос-

редимостью, несколько несложных мячей можно было отпарировать, но нерасчётный выход, неудачный выбор места, плохие условия игры в морозную погоду стояли мне ещё трёх — четырёх дней.

Несколько слов о технике и тактике игры. Техника и тактика советского футбола в этом сезоне значительно выросла, чем в 1948 году. Каждую игру необходимо встречать в полной мобилизационной готовности. Забывание этого приводит к плачев-

ным результатам. Торпеды Сталинграда с разгромным счётом прогнали московскому «Спартаку» (8:2), а через несколько дней выиграла у чемпионов страны — команды ЦДКА — со счётом 3:1.

Встречи советских футболистов с венгерскими, прошедшие под знаком дружбы и солидарности спортсменов двух стран, показали высокую технику советского футбола. В матче «Динамо» — «Вашаш» наглядно можно было видеть лучшие черты советской школы футбола: коллективизм, отличную физическую подготовку наших игроков, их охоту к победе, упорство и нападение, ценность в защите, т. е. то, что мы называем гибкой тактикой и высокой техникой.

Наша команда, как и «Спартак» и ЦДКА, охотно применяет мелкий пас, так как длинный пас не всегда бывает точен, а это облегчает игру защиты противника. Стало обычным для всех полных команд перемещение игроков, стремление к быстрым и тонким передачам партнёру, не злоупотребляя при этом жёстким мячом. Нападающие бьют с различных положений, часто ударяют носком, а мяч, пробитый таким образом, очень труден для вратаря.

По-моему, наши футболисты ещё недостаточно сильно играют головой, особенно при подаче угловых ударов. Как правило, при угловых подачах нападающие в большинстве прибегают к боксировке вратаря, а иногда просто «швыряют» его, за что совершенно правильно штрафуются судьями. В новых командах удары нападающих плохо отработаны; некоторые игроки медлят с ударами по воротам, стараясь обвести вратаря, а это задерживает темп игры и значительно облегчает игру защиты.

Для меня всегда представляло большую опасность «падеж» партнёров нападающих армейцев, спартаковцев Н. Демьянтова и Александра Пономарёва из московского «Торпедо». Кажется, года два назад я увидел в газете дружеский шарж Бор. Ефимова «Пономарёв атакует...» Лидер торпедовцев изображён там чуть ли не летящим над полем с крыльями на ногах. Когда мы остаёмся один на один, он мне действительно представляется летящим вместе с мячом в сетку вратаря. И конечно, этот перекрёстный игрок с его беспос-

Алексей Хомич.
Фото Я. Рюмина.

добными рыжками, с сильным ударом из любого положения иногда играют без творческого вдохновения и спортивного азарта. Из других нападающих очень хорошее впечатление оставляет игра тройки харьковского «Локомотива»: Георгий Боренко, Виталий Зуба и Сергей Чижова.

Значительно улучшилась игра защиты. Мне лично доставляет истинное удовольствие видеть игру центрального защитника ВВС Константина Крижского. Это уже сформировавшийся мастер, храбрый и надёжный защитник. В этой команде вообще очень сильная защита. В защите, как и в нападении, вырвались многие способные молодые игроки: спартаковец Юрий Седов, упоминавшийся выше А. Крушенов из ЦДКА и другие. Хорошо играют полузащитники харьковского «Локомотива» Михаил Соловьев, наш полузащитник Александр Соколов.

Вадут результаты плеяды вратарей: Леонид Иванов («Зенит»), Владимир Грачев (московский «Локомотив»), Николай Угрюмов (харьковский «Локомотив»), Переломин из «Даугавы» и Араузаков из бакинского «Нефтяника». Все они играют смело, находчиво и нередко берут, казалось бы, безнадежные мячи. Есть, однако, и у них недостатки: нерешительность при выходе из ворот, увеличение неуверенных бросков, неумение отбивать мячи кулаками.

Команды сыграли по 31—34 матча. Вперед у ведущих команд 2—3 игры. Пусть победит сильнейший!

Фото А. Вочина

На снимках (слева направо): Юрий Седов — «Спартак»; Георгий Борзенко (слева) — харьковский «Локомотив»; Михаил Родин — ЦДКА.

Занятия шахматной секции в Московском университете. Читает лекцию заслуженный мастер спорта П. А. Романовский.

Шахматы в МГУ

За последние годы оживилась шахматная жизнь в Московском государственном университете. Большая заслуга в этом руководителя шахматной секции, блестящего знатока истории и теории шахмат Петра Арсеньевича Романовского.

В университете созданы три группы шахматистов — две мужские и одна женская, — насчитывающие свыше 70 участников.

Годовая программа занятий рассчитана на три семестра, по 36 ча-

сов каждый. В программу входят теория шахмат, общая и русская история шахмат, изучение чигоринского творчества, разбор партий, индивидуальные занятия с кружковцами, игра и соревнования.

Выдающееся место в занятиях занимает разбор шахматных партий.

Средя членов шахматной секции есть игроки высокой квалификации. Таков, например, студент 3-го курса философского факультета

Владимир Агринский — чемпион университета и первый из членов секции, получивший звание кандидата в мастера. Он торжественно любит острый позиции, смелой игры. Серьезно работает над освоением шахматной теории студент 3-го курса механико-математического факультета Анатолий Шум.

Из женщин выделяются своей тактически острой игрой студентка 3-го курса математического факультета отличница Ольга Кайкова, студентка 4-го курса математического факультета Екатерина Трифонова, аспирантка Наталия Третьякова.

Команды добиваются высоких результатов на соревнованиях. В нынешнем году шахматисты МГУ взяли командное первенство Москвы по вузам, и вполне блестяще: все матчи этого состязания были выиграны студентами университета. Это первенство университет завоевывал уже второй год. Вторично прошла в нынешнем году также внутриуниверситетская шахматная спартакиада между всеми двенадцатью факультетами. Первое место занял в ней механико-математический факультет.

В этом новом учебном году будет проведена ряд турниров между факультетами. Идет подготовка к расширенной университетской спартакиаде. Началась методическая работа во всех шахматных группах секции.

Студенты-шахматисты, участвуя в кружке, научились лучше понимать шахматное искусство, больше ценить и сильнее любить его.

А. БОРИСОВ

СМЕНА В номере:

А. Велюгин — Товарищ Колос в Нью-Йорке.

3. Докторов — Рост. Геворк Эмин — Орёл. В ночной смене.

Александр Меркулов — Уро.

Виталий Васильевский — «Соколин глаз».

Николай Бугров — У руля.

Анатолий Медников — Комбайн в шахте.

Андрей Малышко — Тарас. Мавковский за окном. Жаворонок.

45 минут. На берегах Урала — фото Я. Рюмина.

Леонид Образцов — Лесопосадки.

Акад. К. Быков — Мозг и внутренние органы.

К. Монсева — Студенты Таджикистана.

Акад. А. Несмеянов и К. Зубов — Две университета.

Иракий Андронков — Новое о Лермонтове.

Ольга Грудцова — Роман о тайне рождения войны.

Глазами врагара.

А. Борисов — Шахматы в МГУ.

Кроссворд.

На первой странице обложки: «На Каме» — рисунок А. Ливанова.

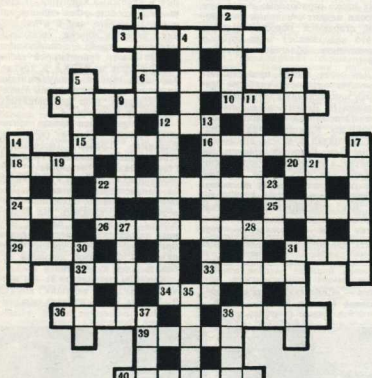
На четвёртой странице обложки: песня «Родина любимая».

Слова А. Пришвина, музыка В. Рендза.

Оформление номера В. Урнин.

КРОССВОРД

Составила читательница Балаалыкина (г. Вольск).

По горизонтали:

3. Печеток. 6. Женская олимпиада. 8. Птица. 10. Форма литературного произведения. 12. Наталье на день рождениях. 15. Вулкан. 16. Женское имя. 18. Свод. 20. Поезд. 22. Старинный парусный корабль. 24. Сорт сельдерея. 25. Приспособление для ловли птиц. 28. Пробное исполнение. 29. Спиритизм. 30. Десять. 31. Обусловленное время. 32. Город. 33. Основы мироздания. 34. Вид дерева. 36. Теннис. 38. Садовая дорожка. 39. Морской разбойник. 40. Последовательность событий.

По вертикали:

1. Перевал в Болгарии. 2. Сплав. 4. Математический знак. 5. Магалин. 7. Сорт хлеба. 9. Длинное кудрявое на волнах. 11. Световое пятно. 12. Птица. 13. Письменная связь. 14. Национальность. 17. Вулкан. 18. Женское имя. 21. Создатель произведения. 22. Древнерусский царь. 23. Произведение Тургенева. 27. Наземный охотник. 28. Совершенство. 30. Отношительный прилагательное. 31. Наставление. 35. Домашнее животное. 37. Физические игры и упражнения. 38. Стремительное нападение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 17

По горизонтали:

2. Акробат. 4. Стиль. 5. Йотсенен. 8. Катер. 9. Рубль. 11. Финиш. 12. Противник. 13. Аллундист. 16. Ватерполист. 19. Завален. 20. Авиатор. 22. Буго. 24. Мачет. 25. Вымпел. 26. Конь. 28. Галоп. 32. Антия. 36. Дятел. 38. Сократ. 39. Кокуват. 40. Ипполитов. 41. Нормы. 42. Кануи. 44. Номак. 45. Горючий. 46. Нальи. 47. Наседка.

По вертикали:

1. Ринг. 2. Агитация. 3. Водяник. 6. Теннисист. 7. Новатор. 8. Иорль. 9. Равнина. 10. Иосифа. 12. Птица. 14. Турнир. 16. Велосипед. 17. Олимпиада. 18. Слов. 19. Забет. 21. Рыба. 22. Зонит. 27. Озерко. 29. Ленинград. 30. Спартак. 31. Чемпион. 33. Голландия. 34. Мухомор. 35. Давид (или арбан). 37. Ноток. 39. Девятка. 43. Илья.

И. о. редактора — Г. Ершов.

Редакция: И. Асеев, Б. Войтехов, Е. Долматовский, Н. Жуков, М. Котов, А. Космодемьянский, Г. Кулик, В. Лидин, Б. Полесов.

Адрес редакции: Москва, 40, ул. «Правды», 24. Тел. Д-334-24. А-09567. Подписано к печати 5/Х-49 г.

Заказ № 2162, Тираж 73 000, Изд. № 777.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Фото А. Гостева.

РОДИНА ЛЮБИМАЯ

Слова А. ПРИШЕЛЬЦА

Музыка В. РЕНЕВА

От Камчатки до Дуная,
Где б ни шёл, ни ехал я,—
Всё страна моя родная,
Всюду Родина моя!

И кого в пути ни встречу,
Кто бы ни был спутник мой,
Все слова у нас и речи
О делах страны родной.

Припев:
Всё растёт, всё растёт,
Всё цветёт, всё цветёт.
На работе вся великая семья.
Край ты мой, край ты мой,
Край родной, край родной,
Это Родина любимая моя!

По-над Волгой, степью,
Новый лес шумит, как сад,

Над волной встаёт из пелла
Гордый город Сталинград!

Там село или город в поле?
Глаз не скоро разберёт.
И от песен комсомольских
Молодеет весь народ.

Припев.

От Камчатки до Дуная—
Как, дорожка, ты длинна!
А кругом земля родная,
Вся Советская страна!

И стоят в ночи дозоры
У границ земли родной,
И плывёт по всем просторам
Песня славы трудовой.

Припев.

Дополнено подпеваем, задорнее

От Камчатки до Ду-на-я, где б ни шёл, ни
с. кал я, всё страна мо-я, род-на-я, всюду Ро-ди-на мо-я! И ко
го в пу-ти ни встре-чу, кто бы ни был спутник мой, все слова у нас и ре-
чи о де-лах страны родной. Всё рас-тёт, всё цветёт, всё цветёт на ра-бо-те все-й.
От Камчат-ки до Ду-на-я—
Как, дорож-ка, ты длин-на!
А кругом зем-ля род-на-я,
Вся Со-вет-ская стра-на!
И сто-ят в но-чи до-зо-ры
У гра-ниц зем-ли ро-д-ной,
И плы-вёт по все-м про-сто-рам
Пе-сня сла-вы тру-до-вой.